

СТАТУС ИСТОРИЧЕСКОГО В МАКЕДОНСКОМ РОМАНЕ

Лорета Георгиевская-Яковлева

Институт македонской литературы, Македония

Taking into consideration various aspects of the relation between the history and the novel, based upon several different approaches, this paper presents 3 general models of identification of the proposed relation in the frames of the Macedonian novelistic production:

- thematic focus on the past as a possibility to reconstruct the historical occurrences and thus, to remember them;
- thematic focus on the past as a possibility to reveal the «dark spots» in the historical occurrences;
- thematic focus on the past with an ironical code or towards the marginalized and anonymous persons from the past.

The paper uses particular examples of the novels by Janevski, Popov, Boshkovski, Maleski, Georgievski, Mickovich, Lafazanovski and Andonovski to present the change of the awareness of the role and the function of the history and the historical in the novel: as a reconstruction of the objective occurrences, as a possibility for perception of the conditions that the history can't present and as a possibility to perceive the history in a new, contemporary context.

Роман, несмотря на свою относительную молодость¹, занимает значительное, а в последние два десятилетия и доминирующее место среди других литературных жанров в Македонии. Пятьдесят лет его развития позволяют подвести некоторые итоги. Анализ показывает, что первоначальное ускоренное развитие романа в 50-е и 60-е гг. прошлого века привело к его типологическому разнообразию как в аспекте формы, так и в плане тематики. Однако, несомненно, доминантным для македонского романа является обращение к истории. Характер соотношения исторических событий и их художественного воплощения является одним из существенных вопросов для македонского романа. Полагаю, что установление и типологизация этих взаимоотношений, которые, по существу, показывают рефлексивное или, если хотите, философское отношение к миру, позволят приблизиться к сути развития этого жанра в Македонии и таким образом представить ее своеобразную культурологическую картину. Поясню: я считаю, что определение различных типов и связей, которые устанавливает македонский роман

с историческим и историей, дает возможность проследить изменение стилистических формаций, формальных решений, отношения к функции искусства в обществе, идеологическим, политическим, религиозным, этическим нормам и ценностям, роли истории сегодня и т.д. Так, сложное отношение *роман / история* «рассматривается через призму комплексной структуры отношений, чей фундаментальный характер и охват превосходит методологические границы какой-либо одной школы, философской системы или культурной эпохи» (Шелева 2003: 171). Длительный интерес к определению сущности этого отношения (от Аристотеля до современных трактовок истории как одной из дискурсивных формаций), в основе которого содержится первичное отношение *текст / мир*, только доказывает возможность подобного утверждения. Философская категория *времени*, термин по объему содержания более широкий, чем *историчность*, – это основная категория для осмысления отношения *текст / мир*.

Основой для построения типологии исторических тем в македонском романе может послужить несколько критериев. Генеральная, наиболее общая типология совпадает с этапами истории Македонии:

- античный период (романы «Александр и смерть» (1992) С. Мицковича, «Дом Александра» (1992) М. Маджункова, «Пикколомини у ворот Скопье» (2001) Д. Коцевского);

- византийский период (романы «Пуп земли» (2000) В. Андоновского, «Вдох» (2001) Й. Даниловского, «Пророк из Дискантрии» (2001) Д. Михайловского);

- македонское Средневековье (трилогия «Мятежи» (1980) С. Дракула, цикл романов С. Яневского «Миракли» (1984));

- период турецкого владычества и гемиджийских² починов («Голе паша» (1956) и «Темноволосая Ангя» (1958) С. Попова, «Пустыня» (1961) Г. Абаджиева и «Солунские террористы» (1962) Й. Бошковского, «Королевич Марко» (2002) С. Мицковича);

- Вторая мировая война и революция («Две Марии» (1956), «И боль, и ярость» (1964) С. Яневского, «То, что было небом» (1958) и «Ткацкий станок» (1969) В. Малеского).

Вторым основанием для классификации романного творчества является история стилистической формации. Здесь можно выделить:

- реалистические романы («Темноволосая Ангя» и «Голе паша» С. Попова, трилогия «Потомки Ката» (1966), «Побратимы» (1956)

² *Гемиджи* – группа борцов-террористов за освобождение Македонии от Османского ига в начале XX в. (прим. переводчика).

Й. Леова, «Селяне и воины» (1969) и «Бесплодная вода» (1972) М. Фотева, «Бессонные годы» (1972) Т. Момировского);

- модернистские романы («Две Марии» (1956) С. Яневского, «То, что было небом» В. Малеского, «Лавина» (1978) Б. Вишинского);

- постмодернистский роман («Миракли» С. Яневского, «Александр и смерть» и «Королевич Марко» С. Мицковича, «Пикколомини у ворот Скопье» Д. Коцевского, «Пуп земли» В. Андоновского, «Смерть Дьяка» (2002) Д. Михайловского).

Еще одна из возможных классификаций – классификация по тематической доминанте:

- борьба за национальное и социальное освобождение («Темноволосая Ангя» и «Толе паша» С. Попова, «Пустыня» Г. Абаджиева, «То, что было небом» В. Малеского, «Под раскаленным небом» (1957) Д. Солева);

- период коллективизации («Белая долина» (1962) С. Дракула, «Село за семью ясенями» (1952) С. Яневского);

- романы, где доминантной темой является переселение (романы Т. Георгиевского и Л. Старова);

- тема концентрационных лагерей («Черное семя» (1966) Т. Георгиевского, «Девять кругов ада» (2000) А. Алексиева, «Пожизненная петля» (2004) Д. Найчевской, «Остров в аду» (2005) П. Гилевского);

- поиск национального самосознания («Миракли» и «Упрямыцы» (1970) С. Яневского, «Сцены» (1980) С. Дракула).

Предложенная типология связей македонского романа с историей и историческим показывает, что в зависимости от занятой позиции одни и те же романы могут оказаться в различных контекстах. Поэтому мы полагаем, что наиболее продуктивным будет рассмотрение ряда моделей отношения *рома / история* в отдельных романах, что позволит определить подход к истории и историческому в конкретном произведении. Македонский роман предлагает три общие модели рассмотрения указанных отношений:

- обращение к прошлому как возможность реконструкции и сохранения исторических событий;

- обращение к прошлому как возможность восполнения «белых пятен» истории;

- обращение к прошлому в ироническом коде или же к свидетельствам «второстепенных персонажей» и анонимов прошлого.

Вопрос о соотношении истории и литературы (или искусства в целом) – одна из старейших дилемм, обусловленных интересом человека к природе искусства вообще. Этот интерес на первый план

выдвигает оппозицию *фактография / фикция*, т.е. попытку ответить на вопрос – в каких взаимоотношениях находятся художественный / литературный и реальный / исторический мир. Он основывается на двух базовых дилеммах: во-первых, является ли референтом литературы историческая / реальная / объективная действительность; во-вторых, могут ли литература и художественное сознание претендовать на истинность? Этот вопрос усложняет тот факт, что роман представляет собой гибридный жанр, и его жанровые особенности предполагают использование фактов внелитературной действительности (Bahtin 1986: 370).

Указанные проблемы являются предметом для размышления еще со времен Аристотеля. Он первым выделил «историческое» и «художественное» как два специфических типа мыслительной деятельности человека, первый – в сфере достоверного, второй – в сфере вероятного. С XVIII в. эти отношения перемещаются в область истинности. В истории сохранение истинности обязательно, а в литературе условие достоверности нейтрализуется. Так, аристотелевское разделение фикции и истории и разграничение специфических задач этих типов письма (достоверности исторического повествования, фиктивности художественного) рождает проблему истинности / ложности языка литературы. Этот вопрос становится особенно актуальным в XIX в. с появлением такой стилистической формации, как реализм. Интерпретация искусства как действительности связана с литературной традицией XIX в., согласно которой предполагалось, что реализм – наиболее подходящий метод для воплощения идеала объективности и исторической достоверности. Эта традиция XIX в., хотя и с определенными модификациями, продолжается и в соцреалистической доктрине как в государственной идеологии. Появление македонского романа приходится именно на период философии реализма в литературе. В первом македонском романе «Село за семью ясенями» Славко Яневского в соцреалистической манере повествуется о коллективизации. Согласно господствующей в то время политической идеологии все, что мешает проведению коллективизации, является «вражеским», подрывающим установленный порядок. Поэтому роман выполнен в черно-белой технике. Создание черно-белых образов без дилемм и нюансов согласуется с убеждением, что искусство вообще, а роман в частности должен быть отражением всего, что происходит реально на определенном историческом этапе.

В этот период появляется и другой вид романов – романы об историческом прошлом. Речь идет о романах Стале Попова «Голе

паша» и «Темноволосая Ангя» как об особом виде реалистической прозы, увековечивающим борьбу македонского народа за национальную и социальную свободу. Создание образов имеет определенную задачу, это героизация прошлого. Такого же типа и роман Димитара Бошковского «Солунские террористы», вероятно, первый «настоящий» исторический роман в Македонии³.

Чтобы преодолеть теоретическую наивность XIX в., в XX в. вводятся два принципа: во-первых, между знаком и предметом нельзя установить прямой связи; во-вторых, сама реальность «представляет собой многократно сыгранный репертуар, а вместе с ним и общественно обусловленный ангажемент» (Žmegač 1982: 84). В связи с этим В. Жмегач вводит термин «репертуар действительности», в котором развивает идею о различных концепциях действительности в каждом литературном произведении и у каждого автора. Однако, как указывают формалисты, преобладает мнение, что хотя и не существует единой реальности, все-таки возможно верное представление субъективной, индивидуальной иллюзии этой реальности. Так литература получает статус целостности, не зависящей от общественной или исторической реальности. С введением в литературу гипотетичности не может и речи идти о реальных сообщениях, только о псевдо сообщениях. Центр тяжести, таким образом, перемещается в сферу специфики жанра. Оппозиция *мир / текст* переходит в отношении *фактография / фикция*, а конкретнее – *история / роман*. Поэтому автор, интерпретируя историю в романе, не ставит перед собой цель представить великие исторические события такими, какие они есть, а лишь определяет роль личности в этих условиях.

В истории македонского романа такие теоретические положения совпадают с появлением модернизма и с выходом в свет романов «И боль, и ярость», «Две Марии» Славко Яневского, «То, что было небом» Владо Малеского, «Черное семя» Ташко Георгиевского. По мнению исследователей, модернизм должен вписаться в некую реальность. Литературное произведение создают знаки референциальной иллюзии, сочетающиеся со знаками выдуманной реальности, с тем, что русские формалисты называют «фактическим

³ Если следовать определению исторического романа, данному Д. Лукачем. Он считает, что роман, описывая макрокосмос, способен представить исторический процесс. Эта цель исторического романа, по его мнению, осуществляется благодаря трем базовым свойствам: 1) типичность образов, реальные исторические личности должны находиться на втором плане; 2) конкретные детали используются для создания исторической достоверности; 3) ассимиляция и инкорпорирование исторических сведений способствуют достижению эффекта достоверности воображаемого мира (Lukács 1920).

материалом» литературного текста. Так, исторические факты становятся «средством, при помощи которого воссоздается реальность, окружающая человека» (Lotman 1970: 45), в тексте они используются в зависимости от степени его «прикладного характера» (Sklovski 1984: 25). В этой концепции при анализе отношений истории и литературы акцентируется специфическая общественно-познавательная функция литературы. Незвестная истина становится очевидной именно благодаря литературному факту. И если история изучает прошлое в целом, то литература ставит задачу обнаружить единичную, существенную, трансцендентальную, «настоящую» историчность.

Показательны в этом смысле два романа – «То, что было небом» и «Черное семя». Опираясь на исторические факты эпохи гражданской войны в Греции (1944–1949), т.е. определенного периода истории части македонского народа, периода террора, военных преступлений, изгнаний и переселений, Ташко Георгиевский в «Черном семени» говорит о потере личной независимости в результате убийств, насилия, физического террора. На фоне суровой исторической правды о существовании лагерей смерти он описывает личную драму Доне Софичанова. Логике безнадежности Ташко Георгиевский противопоставляет логику обстоятельств, основой которой является не высокая политическая цель, а честь простого человека. Георгиевский пытается проникнуть во внутренний мир человека, его интерес всегда направлен от коллектива к индивиду. Суть состоит в том, чтобы открыть невидимое, внутренний порыв индивида в период великих исторических событий, на что историография не способна.

Сходные идеи обнаруживаются и в романе «То, что было небом» Владо Малеского. Он начинается дневниковыми записями командира Первой македонско-косовской ударной бригады, которые он вел в период с 1 по 14 февраля 1944 г., во время Богомилского похода. То, что дневниковые записи начинают каждую новую главу, указывает на их особую роль в тексте и обеспечивает смену внутренней и внешней перспектив в повествовании. Использование внешней точки зрения на события должно стать «фактическим» подтверждением исторической достоверности. Дневник в данном случае играет роль исторического документа. Все события в произведении развиваются на фоне личных драм героев – Наума Фурнаджиева, Игно и Денко Подземских. Исторические события для них – это возможность поисков собственного «Я», самоопределения. Общий знаменатель их душевных драм – революция, участвуя в которой, каждый ведет собственную, личную битву.

С появлением постмодернистской практики в теории литературы и в искусстве «история» становится означающим со множеством означаемых, или же знаком, утратившим собственное значение. Теория текста, как одна из новейших методологий, при определении отношения *мир / текст* исходит из принципиальной объективности исторического дискурса. Если формализм, а позднее и структурализм, не ставили вопроса об объективности литературы, полагая, что литературный дискурс «не должен измеряться истинностью, он ни истинный, ни ложный, ставить этот вопрос не имеет смысла: это определяется самим его статусом фикции» (Todorov 1986: 16), то постмодернизм поднимает проблему объективности и достоверности исторической литературы. Анализируя историографию и роман, Поль Рикер полагает, что их объединяет повествовательный характер, потому что «историк создает завязку событий, которых в документах нет. Он комбинирует повествовательную когерентность с документальной аутентичностью..., поэтому история приобретает статус комментатора» (Riker 1993: 78). Поэтому возникает проблема реальности. Если объективная реальность определяется как то, что может иметь эквивалент, известно, что она всегда (даже самое последнее событие) предварительно сконструирована (с помощью чьей-либо интерпретации), тогда реальное – это не то, что может производиться, а то, что уже воспроизведено. Отсюда и терминологическое различение историографии и художественной прозы (как текстовой практики), которое демонстрирует осознание истории как «сюжетной и интерпретирующей структуры, опосредующей мир в соответствии с определенными идеологическими требованиями» (Шелева 2001: 172). Оно показывает глубокую связь между историографическим дискурсом и идеологией. Это дает возможность различать господствующие структуры (силы) и системы представления (язык как общая среда для историографии и литературы). Разрушается вера в объективность истории. Согласно Бодрийяру, ценность знака состоит в доверии к данному представлению о действительности, его функция заключается в отражении или искажении какого-либо аспекта действительности (Бодрийяр 2001: 116). Первый этап развития знаков – это этап отражения, когда знак является иконическим изображением какого-либо отдельного референта (роман «Толе паша», где легенда воспринимается как «археологическая запись о мире, точная и доказательная» (Нажал 1999: 99), второй же этап наблюдается в романе «Село за семью ясенями», где происходит искажение знака.

Романы, созданные за последние два десятилетия, устанавливают новые отношения между историей и литературой. Утрачена вера в возможность объективного представления действительности. Однако выход заключается в осознании того, что существует непреодолимое расхождение между преходящим жизненным опытом и фиксированным художественным представлением в тексте. Это представление позволяет переоценить историю, подойти к ней критически. Роман в отличие от эпоса герменевтически подходит к современности, а как жанр позволяет смешение, гибридизацию художественных решений (Medvedev 1976: 53), «исторический материал он идеологически актуализирует, показывает его ценность с позиций современности» (Там же: 53). Таким образом, как отмечает Линда Хатчен, размышления о сути исторического сегодня неизбежно связаны со «сбором оспариваемых культурных и общественных допущений» (Насип 1996: 154), обуславливающих наше представление об истории литературе. Постмодернистская концепция соотношения истории и литературы показывает, что и история, и литература – дискурсы, они устанавливают системы значений, позволяющие осмыслить прошлое. «Значение и его воплощение – не в событиях, а в системах, которые эти прошлые «события» превращают в сегодняшние исторические факты» (Там же: 157). Значение зависит от контекста, поэтому вновь возникает проблема совокупных представлений об историческом знании.

Первая попытка воплощения такого изменившегося отношения к истории в македонской литературе – трилогия Яневского «Миракли». Несмотря на то что в произведении Яневского имеются приметы некоторых исторических эпох, отношение к истории в нем по своей сути мифологическое и базируется на принципе цикличности в толковании процессов времени. Яневский рассказывает об истории мистического села Кукулино, опираясь на найденные записи трех рассказчиков-вампиров Борчило, Евтимие Книжника и Тимотея и включая в основное повествование множество преданий в качестве относительно самостоятельных текстов (структура текста в тексте). Именно палимпсестная природа повествовательной манеры Яневского станет первой манифестацией нового отношения к истории в македонском романе. В отличие от Яневского, который трактует историю как недифференцированное мифолого-эсхатологическое единство, в более позднем романном творчестве Македонии история интерпретируется уже с позиций современности (Друговац 1971: 17).

Среди первых романов, написанных под влиянием Яневского и некоторых произведений мировой литературы (прежде всего «Черной

перемены» Юрсенар и «Смерти Вергилия» Броха), – «Одиссей» (1991) Данило Коцевского. Как и Яневский, Коцевский подтверждает достоверность своего «свидетельства» историческими документами из древней Микены. Показывая Одиссея не победителем, а насильником, делая акцент на рефлексии (намек на «женский вопрос» в диалоге Пенелопы с Ктименой, в котором Пенелопа из бессловесной женщины, ожидающей Одиссея, преобразуется в сознательную личность), Коцевский не просто заполняет «пустоты» в поэме Гомера, а множит истории. Не доверяя единственной, непреложной истине, он умножает значения, легенды, истории.

В романе Александра Мицковича «Александр и смерть» история – это актуальное состояние. Повествование начинается с момента смерти Александра. Рассказывает о нем Архидей – оруженосец Александра Македонского, его современник и свидетель всех событий. Однако Архидей – это человек, который всю жизнь провел в тени Короля, на обочине «магистрального пути» Истории. В связи с этим мы могли бы назвать свидетельство Архидея – «альтернативным, рефлексивным, скептическим, но прежде всего губительным по отношению к истории... Причинно-следственный мир Истории подменяется воображаемым миром» (Прокопиев 2000: 88). Этот мир, формально, хронологически несущий приметы александрийской эпохи, тесно связан с современностью. Мицкович ставит проблему утраты самосознания. Смерть Короля тормозит процесс самоидентификации Архидея и показывает невозможность мифа о мировом господстве, или, выражаясь современным языком, о глобализации. Аллегорически миф представлен как разложение мертвого тела. Так, с позиции Другого, альтернативного национального мироощущения, «поликультурность древнего македонского царства одновременно оказывается его иронической оборотной стороной; главным доказательством его принципиальной невозможности» (Шелева 2001: 202).

Извлечение анонимов из «исторической тени» происходит и в другом романе Мицковича «История о черной любви» (1996). В нем с помощью фантастического кода анализ периода турецкого рабства поднимается на уровень этической величины. Человеческое страдание обусловлено не только насилием (как в «Толе паша» Попова), но и разрушительной мощью Эроса.

Модель трактовки истории в ироническом коде представлена в романах Эрмиса Лафазановского «Аристократ» (1997) и Венко Андоновского «Пуп земли». В основе обоих романов лежит оспаривание всех универсальных принципов и официальных истин.

Авторы иронически относятся к повествованиям о великих исторических событиях. Они выказывают открытое недоверие к традиционным поэтикам и занимают критическо-ироническую и гротескную позицию. Взамен традиционных идей консенсуса, спасения и примирения они предлагают идею и практику справедливости, основанную на поисках «индивидуальной ответственности нового типа», ответственности за каждую отдельную жизнь (Jerkov 1992: 33), это становится возможным благодаря постмодернистскому союзу между жизнью и рефлексией.

Такая стратегия, как отмечает К. Кюлавова, – «генератор специфических литературно-эстетических способов идентификации современности в прошлом и (наоборот, по кругу) прошлого в современности. Оба романа основаны на исторических сюжетах: в «Пупе земли» используются известные исторические образы и события, а в «Аристократе» – узнаваемый исторический код. Важную роль в повествовании играют документальные свидетельства, эрудиция и непоколебимая логика изложения. Документ – это посредник между поэтическими выводами и контурами действительности, в нем переплетаются представления, предметы и события способом, отличающимся от традиционного представления о миропорядке.

И Андоновский, и Лафазановский используют методы синхронного «описания» и «чтения» мира и литературы как составляющей этого мира, человечества, письменности (мотив азбуки у Андоновского). Лафазановский и Андоновский мастерски разрушают традиционные подходы к изображению истории, оспаривают идею единственно возможной интерпретации мира. В этом контексте переосмысливается и отношение к официальной истории: авторы занимают нарочито ироническую позицию. Дописывая и переписывая историю в ироническом коде, они дают альтернативную точку зрения – точку зрения незначительных, второстепенных персонажей. Это восприятие истории перекликается с современностью как в социальном, так и в культурном смысле.

В качестве выводов, полученных в результате анализа соотношения *история / роман*, мы можем отметить, что исторический язык в македонском романе используется не столько для имитации эпохи, сколько для творчества. Для характеристики македонского романа, вероятно, более всего подходит утверждение М. Хайдеггера о том, что универсализм «исторического разума», как одна из специфических черт литературы, заключается в «построении

возможных, альтернативных миров на основе реального мира» (Hajdegger 1982).

Перевод с макед. Н. Боронниковой

Библиографически список

- Aristotel.* O pesnickoj umetnosti / Aristotel. Beograd, 1966.
- Bahtin M.* O romanu / M. Bahtin. Beograd, 1989.
- Hacion L.* Poetika postmodernizma / L. Hacion. Novi Sad, 1996.
- Jerkov A.* Nova tekstualnost / A. Jerkov. Beograd, 1992.
- Lotman J.* Predavanja iz strukturalne poetike / J. Lotman. Beograd, 1970.
- Lukács G.* Die Theorie des Romans / G. Lukács. 1920.
- Medvedev P.* Formalni metod u nauci o knjizevnosti / P. Medvedev. Beograd, 1976.
- Riker P.* Vreme i prica / P. Riker. Sremski Karlovci, 1993.
- Sklovski V.* Gragja i stil u Tolstojevom romanu «Rat i mir» / V. Sklovski. Beograd, 1982.
- Todorov C.* Poetika / C. Todorov. Beograd, 1986.
- Žmegac V.* Knjizevnost i zbilj / V. Žmegac. Zagreb, 1982.
- Андоновски В.* Структурата на македонскиот реалистичен роман / В. Андоновски. Скопје, 1999.
- Бодријар Ж.* Симулакруми и симулација / Ж. Бодријар. Скопје, 2001.
- Друговац М.* Книга за Јаневски / М. Друговац. Скопје: Македонска книга, 1971.
- Кулавакова К.* Клучалница / К. Кулавакова. Утрински весник од 11 мај 2002. 2002.
- Најал Л.* Постмодернистичка теорија књижевности / Л. Најал. Нови Сад, 1999.
- Прокопиев А.* Постмодерен Вавилон / А. Прокопиев. Скопје, 2000.
- Шелева Е.* Компаративна поезика / Е. Шелева. Скопје, 1996.
- Шелева Е.* Културолошки есеи / Е. Шелева. Скопје, 2001.
- Шелева Е.* Отворено писмо / Е. Шелева. Скопје, 2003.